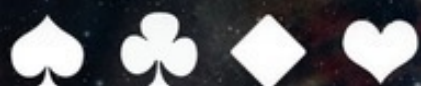

Владимир Дементьев

Перстень с солитером

ИЗБРАННОЕ

Владимир Дементьев
Перстень с солитером

«Издательские решения»

Дементьев В.

Перстень с солитером / В. Дементьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906155-3

В сборнике представлены произведения разных жанров: юмор; научная фантастика — другие миры, другие измерения, инопланетяне; исторический детектив — поиск исторических ценностей, неожиданные находки (в основу положены подлинные события); включены также сказка на новый лад, легенда, сатирические произведения.

ISBN 978-5-44-906155-3

© Дементьев В.
© Издательские решения

Содержание

Как я сдавал в театральный институт	6
Последние каникулы	9
Глава 1. Перстень с солитером	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Перстень с солитером

Владимир Дементьев

© Владимир Дементьев, 2018

ISBN 978-5-4490-6155-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как я сдавал в театральный институт

Давняя история... Возможно, вы не поверите, но я никогда не мечтал служить актером в театре. Ну не тянет меня на подмостки – и все тут! В крайнем случае согласен быть режиссёром... и то в кино. Однако случилось мне пройти первое прослушивание или просмотр, не знаю даже как и назвать.

А было дело так. Я только что успешно сдал экзамены в Менделеевский институт. Не с первого раза, правда, и все же СДАЛ! Настроение! Хочется весь мир обнять. Начало лета. Словом, вы меня понимаете.

А вот моя знакомая, девушка самых возвышенных чувств, просто бредила театром.

– Хотя жизнь и театр, а мы актеры в нем, но жизнь без подмостков и кулис для меня лишена всякого смысла. Я рождена быть актрисой! Театральной актрисой! – говорила она, закатывая бирюзовые глаза к голубому небу.

Она только готовилась к вступительным экзаменам. Нервничала ужасно! Чтобы как-то успокоить, ободрить, я, провожая ее к вожделенному институту, без умолку болтал о том, какая она талантливая, как надо держать себя на экзаменах, что все будет замечательно, и все такое. И не заметил, как мы оказались в маленьком дворике с неработающим симпатичным фонтанчиком посередине.

Почти весь дворик был заполнен дарованиями приблизительно моего возраста. Слово «дарования» произношу без всякого сарказма – надо было видеть их лица. Здесь следует отметить, что лица эти по большей части были обращены к солидной двери старинного здания, на которой конторскими кнопками были прикреплены листочки. Каждый мог вписать себя, оставалось только дожидаться, когда дверь откроется и долговязый студент снимет их и зычным голосом призовет пятерых по списку следовать за ним. Это было так торжественно и страшно, что неокрепшая психика некоторых не выдерживала и они не решались войти в святилище. Сопровождающему приходилось несколько раз громогласно повторять фамилии, что вселяло в абитуриентов еще больший трепет. Они так пугались, будто все являлись однофамильцами. Вид выходящих также не прибавлял уверенности. Естественно, это крайне отрицательно действовало на мою спутницу.

И вот в очередной раз выходит «ангел смерти» и призывает на судилище. Четверо обреченных отозвались, а пятый молчит. Гробовая тишина! Никто не признается, виду не подает. И как на грех этот трусишка оказался моим однофамильцем. Представляете?

Все дергаются, нервничают, смотрят друг на друга, словно кругом одни предатели или прокаженные. А студент и рад – талант выказывает, в раж входит – зов все гуще, свирепее. Моя знакомая глаза закатила, побледнела – сейчас в обморок упадет. Что делать прикажете?

Ну, пришлось взять да заявить: я, мол, такой-то и нечего здесь дантовские сцены разыгрывать – и так публика на взводе.

Подействовало. У абитуриентов сразу отлегло от сердца; к знакомой нормальный цвет лица вернулся, и глаза на место встали; у меня словно камень с души свалился.

Четверо пошли за студентом, а я, конечно, остался у двери. Стою себе и в ус не дую. Однако не тут-то было! Дверь вскоре отворилась, и детина, бесперемонно схватив меня за плечо, потащил вовнутрь. Я сопротивляюсь, пытаюсь объяснить. Какое там! Бесплезно! А один страдалец-дарование прямо-таки со всей силы в спину толкнул, гаденыш.

Ну, иду по коридору, не знаю, как и выкрутиться, а потом думаю: «Стоит ли так волноваться? Через минуту выгонят, делов-то». Даже повеселел.

Вхожу в зал, там за столами с бумагами расположилась комиссия, очень недовольная.

– Что это вы, молодой человек, себя ждать заставляете? Порядка не знаете?

Еще что-то говорят в таком духе... А седовласый мужчина, сидевший в пол-оборота и смотревший в пол, ткнул в мою сторону пальцем и грозно изрек:

– Басню!

Все умолкли.

Вот вы можете сходу рассказать какую-нибудь басню? Я их только в начальных классах учил, и то не очень твердо. Начни читать – в лучшем случае карикатура получится. Позорище!

Мне бы сейчас же промямлить извинения и уйти, но я возьми да брякни:

– А можно пародию?

Не иначе как лукавый за язык дернул. Тут опять все зашумели:

– Что это вы, молодой человек, себе позволяете? Это уже слишком! Порядка не знаете!

Однако седовласый (видимо, председатель), не отрывая взгляда от пола, махнув рукой, обреченно произнес:

– Валяй пародию.

Должен все же признаться, что буквально перед походом этим прочитал в журнале «Крокодил» заметку о том, как трудно переводить басни, какие нелепости допускают некоторые иностранные переводчики, мало и плохо знакомые с предметом. И как пример была приведена пародия на басню «Демьянова уха». Понравилась!

Вот и начал валять:

– В одном из ррусских грррафств сэrrр Демиан, эсквайrrр, позвал серrrра Фока на само-ваирrrр, – почему-то с жутким «еврейским» акцентом произнес я и сам этому немало удивился.

– Моншэrrр, я вас прrrрошу прrrрэйти в мой скrrрромный уголок на файв-о-клок, – продекламировал громче, несуразно растопырив руки.

Наступила полная тишина. Председатель повернулся и уставился на меня с нескрываемым любопытством.

– Пришел Фока. Хозяин сам его встречает и прямо у порога угощает.

Вот счи на вертеле, вот сэндвичи с блинами, из рrrрэдьки пудинг, фирменный калатч – закуска к легкому вину «Перватч», – значительно повысив голос, продолжил я в надежде, что это будет последней фразой.

Теперь-то дошло во что ввязался! Надежды не оправдались. Члены комиссии с явным вниманием впились взглядами, ожидая продолжения. У меня же выступил холодный пот – далее из прочитанного не помнил ни строчки. Почти не помнил.

Отчаянно жестикулируя и корча рожи, сбиваясь, понес я невесть что, думая только об одном: когда же, наконец, остановят? Из-за столов послышались смешки, они перешли в хохот, в какой-то визг с похрюкиванием...

– И все, что видишь здесь вокруг, ты должен с хреном съесть, мой друг! – вопил я со зверской гримасой, пожирая глазами членов комиссии.

Я готов был загрызть их... или провалиться сквозь землю. Это было ужасно! Самое ужасное, что я вставлял в экспромт куски из других басен.

– Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом здесь чистое мутить питье мое? – не к месту, в очередной раз не к месту, процитировал Крылова охрипшим уже голосом, что, конечно же, вызвало очередной взрыв хохота.

Но остановиться не получалось. Я как будто раздвоился: язык молол сам по себе, а мозг критически анализировал сказанное и лихорадочно искал выход из создавшегося положения.

За словами мысли явно не поспевали.

– А повара велю у стенки зарубить, чтоб там речей не тратить по-пустому, где нужно власть употребить! – не продекламировал, а скорее прорычал отсебятину, угрожая присутствующим кулаком.

Катастрофа! Время перестало течь.

Точку в этой вакханалии нужно было ставить самому. Пожалуй, это была первая правильная мысль. В голове мгновенно всплыло окончание пародии, и я, зачем-то подойдя к наиболее удаленному столу, гордо произнес:

– С тех пор я замечаю: не пьет Фока ни перватча, ни чаю!

Затем, как мне казалось, «по-театральному» низко поклонился, а когда выпрямился, глазам предстала кошмарная картина: члены комиссии дергались в конвульсиях, кто-то, распластавшись по столу, отчаянно колотил по нему руками, другой, мыча жутко мотал головой, а одна дама... да что там рассказывать. Председатель, раскачиваясь на стуле, с завидной силой махал руками и зычно выл: «У-у-у-у! У-у-у-у!»

Сколько так продолжалось, не знаю. Я все еще пребывал в полной прострации.

Наконец, все более-менее успокоились, приняли человеческий вид. Председатель эффектным движением поправил волосы и, широко улыбаясь, вынес вердикт:

– Годится! Полагаю, возражений нет. Готовься к экзаменам. Не надо лихачить, не надо пародий! Гы – ы – ы – ы!

Ответом был лишь жалобный стон:

– Но я же уже поступил в один институт.

– В какой? – изумился председатель комиссии.

– В МХТИ.

– МХТИ, МХТИ? Московский художественно-театральный институт? У-у-у-у! У-у-у-у!

Кажется, еще что-то было...

Я вывалился на свежий воздух. Боже, какое это счастье снова почувствовать себя свободным человеком! Как прекрасен мир вокруг! Как приятно снова увидеть милое лицо. Однако моя знакомая, бледная как полотно, с опаской подошла и с каким-то отчуждением выдавила из себя:

– Ну-у-у?

– Прошел, – прошептал я удрученно.

Знакомая отшатнулась, словно услышала какую-то гадость. Другие тоже посмотрели на меня, прямо скажем, не слишком дружелюбно. Расфуфыренная девица, стоявшая рядом, презрительно фыркнула, а парень, державший ее за пальчик, испуганно перекрестился. Все слегка расступились. Я изобразил подобие улыбки и на ватных ногах пошел к фонтану – мне необходима была опора. Жаль, воды в нем не было! Только там заметил, что рубашка наполовину вылезла из брюк и с нее исчезла пара пуговиц.

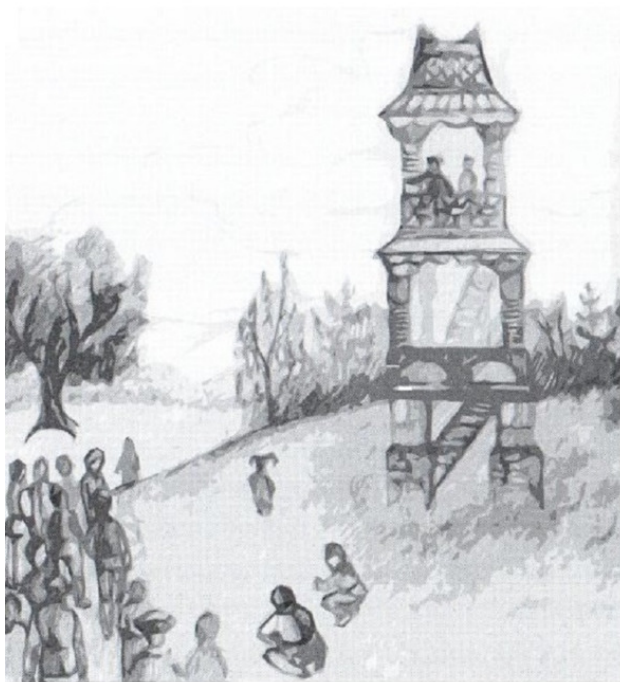
Подруга провалилась. Она заявила, что моя безобразная выходка крайне негативно отразилась на работоспособности комиссии, в результате чего мэтры не смогли объективно оценить ее талант, и с такими эгоистами, как я, ей не по пути.

Так что служить Мельпомене и до этого случая не хотелось, а уж после – тем более! Возможно, вы и не поверите, но меня даже слово «театр» раздражать стало. Дикая история.

Последние каникулы

Моим ботинцам

*Мне бы скатертью льняною застелить наш длинный стол, всех собрать, кого люблю
я – до земли им мой поклон. Смех услышать, рюмку выпить, говорить и говорить... да теперь
уж не увидеть, не услышать, не прощенья попросить...*

Глава 1. Перстень с солитером

В руках у меня старый блокнот. На его бледно-зелёной обложке два золотых иероглифа и четыре на корешке; что они означают, я так и не удосужился узнать. Подарили мне его в Пекине, где я жил в интернате, пока родители работали в городе Лоян провинции Хэнань. Помню, такой подарок сильно расстроил меня. Я так хотел, так ждал альбом для марок, а тут... Правда, некоторое время марки в нём всё же хранились. С каким наслаждением я рассматривал и перекладывал их, листая шелковистые страницы палевого оттенка. Постепенно мне стал нравиться причудливый орнамент в виде драконов в верхней части каждого листа и цветочной орнамент внизу, мельчайшие точки, образующие паутинные линии строк. И после того как марки обрели надлежащее хранение, решил использовать блокнот по его прямому назначению – вести дневник. Но каждый раз, как только брался за него, становилось ясно – писать не о чем. И всё же страницы не остались нетронутыми. Произошло это много позже, уже в Москве. Тогда, помню, отец из Индии прислал с десятков шариковых ручек. Большую часть я раздал. В классе были в восторге! В то время таких ручек ещё ни у кого не было. Самой тонкой из них написаны первые страницы. Вначале я писал на отдельных листочках и, лишь убедившись, что всё верно, раскрывал блокнот. Затем стал писать сразу начисто, разумеется, огорчался, если замечал неточности. Но не вымарывать же! Под конец, однако, не понравившееся аккуратно зачёркивал. «Главное содержание, а не форма», – подбадривал я себя.

Содержание блокнота привожу без каких-либо изменений, разве что с исправлением замеченных ошибок. Как говорится, льщу себя надеждой, что внукам события тех лет будут интересны.

1

В преклонном возрасте Владимир Кузьмич был статен, с огромной аккуратной бородой, всегда опрятно одет. Движения его были несколько замедленными и от того казались преисполненными некой особой значимости. Жил Владимир Кузьмич один, в маленьком складном доме, в стороне от других домов деревни. В округе почему-то прозвали его «Барин», которым, конечно, он никогда не был, а сколько мог плотничал, вел немудреное хозяйство и никому не отказывал в помощи по строительству. Мастером он был замечательным, несмотря на то, что на правой руке не было большого пальца и двух фаланг указательного.

Подружились, если это только можно так назвать, мы с ним много раньше, когда я был еще пионером. Поначалу, правда, смеялся над ним.

Бывало, в солнечную погоду весной выйдет он на пригорок, где снег только что стаял, не торопясь снимет валенки и встанет на землю.

Нам, мальчишкам, смешно:

– Смотри-ка, Барин по траве соскучился! А ноги-то на земле не умещаются: пятки в снегу стоят!

Крикнешь ему:

– Холодно босиком-то?

– Ничего, брат ты мой, – только и ответит.

Или осенью у околицы сядет на лавку под дуб, снимет картуз и дает нам:

– Наберите-ка желудков попробовать.

Мы нарочно со всей округи полный картуз с горочкой наберём. Он лишь покачает укоризненно головой, очистит и жует. Скажешь:

– Горько ведь.

А он своё:

– Ничего, брат ты мой.

Мы хохочем:

– Барин, а жёлуди ест!

Шикнет на нас – мы врассыпную. Весело было.

Не припомню, были ли летом у него какие-нибудь чудачества... В эти длинные дни в деревне он бывал нечасто – работал с другими плотниками на больших, по деревенским масштабам, стройках. Впрочем, любил прийти на огромный холм, сесть на уцелевший от некогда стоявшей там вышки фундамент и долго сидеть, изредка то ли ощупывая, то ли поглаживая старые камни. Когда я туда приходил один, он непременно звал к себе:

– Посиди, камни тут тёплые. Ишь, как запыхался, всё бегом, торопишься... а ты не торопись...

Сидим молча. Вот как-то спрашиваю:

– Дедушка, что ты здесь делаешь?

– Место больно замечательное.

И опять молчит. Погладил камень и говорит:

– Эту кладку еще Немец делал.

– Как это? Она же еще раньше была?!

– Да не фашист... от него, вишь, кругом одни окопы остались. Каменщика так прозвали, потому что глухонемой он был и неженатый. И как сложил! Когда мужики хотели разобрать на кирпичи, веришь ли, ни одного не смогли целым выломать; пыль одна шла да мелкие крошки. Провозились с полдня да инструмент попортили – и только. А ведь ты думаешь, почему окопы кругом нарыты, а здесь нет? Не знаешь? Да земли здесь на полштыка, не больше! Под столбы эти, на самую макушку, щебня натаскали – страсть, извести навезли, еще чего-то... Воду, помню, возили, а Немец заправлял, что и как делать, знал точно. Так что не смог фашист окопы здесь выкопать... хотя, конечно... наверно, ругался.

Старик встал и хотел было уйти, да я упросил его ещё рассказать. Он недовольно помолчал и продолжил:

– Каменщик был мастером, таких теперь и не рожают! На речке остров – Купальня, знаешь? Думаешь, ребяташки там плескаются, вот и Купальня? А там и вправду она была, это всё в мирное время ещё было... Так вот, купальню эту тоже Немец построил прямо в воде из розового мрамора! Да так, что и щелей-то видно не было! Вроде бы на спор построил, дескать, мастер у меня есть – что хошь сложит. Да кто ж это знает? Может, и не спорили!... Баловство все это. До первой весны...

Барин-то поначалу дежурство установил: каждый день какой-нибудь двор её чистить обязан был. За деньги, конечно, и кто хотел, но не упомяну, отказывался ли кто. Да и почему не почистить? Купальня маленькая была, мелкая. Ребяташки всё равно дрызгаются. А тут на виду – не утонут. Да и от денег кто откажется? Ну, об них говорить... ты ещё мал...

– Дедушка, расскажи ещё!

Помолчали.

– Вот под тот столб барин сам золотой червонец положил. Что уж под другими – не знаю, не видел.

Когда Немец подготовил макушку-то, народу собралось – тьма! Слухи быстро ползут! День был жаркий... Пришли даже из Тучково! Тогда оно называлось Мухино. Всем было интересно, как вышку строить будут, да и подработать хотелось. Шептались, что с вышки даже Москву видать можно будет. Батюшка, помню, смурый был, но благословил, как положено. И тут барин важно так достал монету, всем показал и бросил в яму. Каменщик на коленки встал, перекрестился да на червонец кирпич и поставил. И началось! Да...

В этих местах такие дела были, брат ты мой!

Старик умолк и стало как-то неловко.

– А под купальню тоже барин деньги положил?

– Кто его знает? Она раньше была построена. Однако заболтался.

Дед встал, одернул рубаху и ушел. Я посидел немного, зачем-то залез на столб, на который показывал Владимир Кузьмич, постучал по нему каблуком, попрыгал и пошел дальше.

А дома бабка ругает:

– Что это ты всё с Бариним ходишь? Али мальчишек мало? Он ведь не свой век живёт! И на вышку всё бегаешь чего? Он понятно: сторожем при ней был. А ты?

– А он говорит, что под вышку барин золотой червонец положил.

– А ты больше его слушай! Нечто золото кладут? Пятнадцать копеек серебром – пятиалтынный – надо под каждый угол.

– Как, бабушка, и ты на строительстве вышки была?

– Да господь с тобой, я тогда ещё совсем махонькая была.

– Откуда же ты знаешь?

– Ну, нечего под ногами путаться! Ступай, ступай, погуляй, шалопут!

2

В другой раз разговорились мы с Владимиром Кузьмичом на лавке под старым дубом.

– Там, где теперь пионерлагерь, была усадьба барина Леманна. И у других усадьбы тоже имелись, да жили они больше в Москве, а наш «Первопрестольную присутствием не жаловал» – его слова... Не скажу, что очень богатым он был, но с замашками барскими. Когда его дом разбирали, то, веришь ли, между бревнами и внутренними панелями листы из пробки были – должно быть, тишину любил. Уж сколько домов да изб поставил да перестроил, а о таком даже и не слыхивал. А вышку какую построил! Я тогда, можно сказать, еще мальчонком был, хотя и здоровее всех сверстников и от того казался гораздо старше. Так вот, пристроился я помогать плотникам. На побегушках, конечно. А старшим у них был Иван Егорыч – левша. Топор у него будто сам работал – посмотреть любо-дорого. Ну, я по молодости да по глупости решил тоже попробовать левой да как-то и хватил себя. Народ-то всё бросил да ко мне. «Убили!» – кричат. А мой дед, царствие ему небесное, табачным пеплом рану присыпал, тряпичей перевязал и говорит: «Ничего, брат ты мой!»

Пока руку лечили, понял: мастерство не в руках – оно внутри. Плотникам всё же помогал, а когда вышку построили, барин сам предложил стать мне при ней сторожем. Отец с матерью согласились, и я тоже. Отчего не посторожить? Платил, конечно, и неплохо за такую-то работу. Да...

А вышку выстроил красивую: четыре столба-фундамента из кирпича, на них столбы бревенчатые, затем – большая площадка с резными перилами, а от неё опять столбы, но уже из дуба, и кончались они площадкой поменьше, конечно, тоже дубовой, резной. Вышка-то по чертежам-рисунок строилась, а резьбу Иван Егорыч делал по своему усмотрению – даром что плотник. Барин на ней, правда, нечасто бывал: больше на Зосиму, 30 апреля, в день своего рождения. Народ, бывало, соберётся, барина ждет, а он чинно так с гостями из усадьбы и выходит, с горы хорошо видно. Подойдёт, бывало, все кланяются, поздравляют, а он с гостями на вышку взойдёт и шампанским стрельнет. Потом начнёт медяки сверху горстями кидать и непременно несколько серебряных меченых монет с ними бросит. Ежели кто найдёт, тому дозволялось на вышку взойти, но не на самый верх, а на нижнюю площадку, там водкой угощали. Из нашей-то деревни больше эти деньги ребятишки подбирали, да барин это и замечать не хотел. Так-то!

Старик умолк и подождал, когда я попрошу его рассказать ещё.

– Потом Первая мировая началась, тогда её называли Второй Отечественной. Первой-то считалась война с Наполеоном! Тут уж не до барина было... Купальню всю илом занесло да

тиной... Да и сам он уж немолодой стал, к реке вовсе не спускался. Сам знаешь, какие у нас горы. Позже мрамор растащили, но больше в ил ушло. Вот остров-то и образовался!

Вышку я тогда уже мало сторожил. Это поначалу в диковину, а потом привыкли. Ну, вышка и вышка. В войну и вовсе не до неё было. Барин мне платить меньше стал, сказал, что дела теперь меньше, но чтобы смотрел.

А перед самой революцией он вдруг ремонт надумал. Сам мне сказал, дескать, вышка старая стала, подновить её нужно, и чтобы я не ходил сюда, здесь работники и так будут, смотреть незачем. И впрямь, Немец что-то под вышкой при барине делал. Ну, я в это время к тётке за реку на старый хутор и ушёл. Тогда говорили: «На старый план». Она да приживалка там жили. Пробыл несколько дней и домой наутро вернулся. Только на крыльцо ступил, а мне соседка кричит:

– Вышка-то сгорела!

– Как так?

– А так: царя-то нет, вот барин-то и сбежал! Иди скорее туда!

Я бегом, гляжу – и впрямь, завалилась вышка и обуглилась сильно, дымится ещё местами. Если бы не погода, то ничего бы не осталось! А из барского дома добро тащат: кто побойчей – тот самовар, кто поглупее – картину. Подхожу ближе, а мне и кричат:

– Революция! Всё теперь общее! Барина нет, все разбежались, бери что хочешь!

А в усадьбе уже одна громоздкость осталась да книги валялись. В одной из комнат стул валялся, я его зачем-то и взял. Дома мне за него сильно досталось...

Барина-то скоро поймали, по барьям-соседям прятался, да всё допытывались, куда он богатство – золото девал. А он и говорит:

– Проклят тот будет, кто позарится на него!

Ну, его в Рузу на Ивановскую гору и повезли, там поначалу на пуговичной фабрике что-то вроде ревкома было, да, видно, отпустили его оттуда. Пришел он вскорости в усадьбу невредимый. Да как там жить? Никого и ничего. Из некоторых окон даже стёкла унесли. Ну, говорят, он к брату в Москву и уехал.

А тут, представь себе, каменщика утопшим нашли, царствие ему небесное. Поначалу-то удивлялись: неужели с прислугой сбежал? Ему-то зачем? Чай, не повар! Повар у барина был – что ты! На хромой козе не подъедешь! Даром что повар. Как же, с барином в Париж ездил! Это ещё до вышки было... Такие вот дела.

Старик перевёл дух и продолжил:

– И вот, как-то раз под вечер подхожу к усадьбе, гляжу, там след вроде как от ямщицких саней (у наших-то розвальни) и кто-то ходит, на мужика не похожий. Подошёл. Помню ещё, в руке у меня топор был, и спрашиваю:

– Кто такой? И чего здесь надо?

– Я то, говорит, брат хозяина усадьбы, а ты какое отношение к ней имеешь?

Ну, я ему и сказал, что сторожем был. Он посмотрел кругом и злобно так:

– Обобрали барина и голым выставили, сторожа – хозяйева!

Я ему:

– Не очень-то! С чем барин ушёл отсюда, с тем и вернулся.

– Да так ли?

– Сам не видел, а мужики сказывали, что при поимке обыскали и, кроме часов да перстня с камнем, ничего у него при себе не нашлось, разве что из одежды да кошелек. И то не взяли! У нас отродясь воров не было. Он сам сбежал и всё бросил, и ежели из усадьбы что берут, так по надобности.

Ещё потолковали. Он и спрашивает:

– А вышка чем революции не угодила? Я ему и Расскажи про пожар: дескать, сам удивляюсь. Только ежели рассудить, барская забава всегда мужику поперёк горла. На этом и разошлись.

Старик умолк. Я сидел, не смея проронить ни слова.

– Кажись, года два прошло или больше, я уже женатым был, усадьбу всю растащили, разве только от барского дома осталось что... Даже обгоревшие брёвна от вышки – и те взяли... Жена у меня при родах умерла, царствие ей небесное.

Владимир Кузьмич перекрестился и, вздохнув, продолжал:

– Да, два года с половиной... Я тогда точно чумовой стал, места себе не находил. На вышку пришёл как-то, сел на столб. Долго сидел, а потом и думаю:

– Что это Немец делал?

Смотрю, посередине меж столбами квадрат цементный появился – аккурат на вершок ниже земли. Раньше-то не замечал: золой да угольями засыпан он был. Там ведь фундамент под лестницу был, тоже квадратный, но чуть выше земли!

И вот, брат ты мой, то о жене-покойнице думаю, то о вышке, то о жене, то о барине. И так что ни день. Зачем это, к примеру, брат барина приезжал? Это зимой-то! И действительно, куда это богатство делось? Что-то у него наверняка было, не один же перстень? Перстень он и вправду носил, красивый такой, с большим бриллиантом, а внутри – по оправе – надпись чудная...

– Откуда же, дедушка, ты знаешь, что внутри написано? Разве ты видел? – не выдержал я. Он как-то странно посмотрел на меня – будто увидел впервые.

– Мал ты ещё...

Затем встал, помедлил и ушёл. Мне стало как-то не по себе. Нечаянно обидел старика, наверное, он больше ничего никогда не расскажет, но тут же подумалось, что бабка была права: сказки рассказывает. Эта мысль немного подняла настроение, и я пошёл домой.

Вечерело. За лес, перед которым стоял дом Владимира Кузьмича, садилось огромное багряное солнце, и от этого и лес, и дом казались особенно тёмными и таинственными.

В это лето мы больше не встречались, а затем и вовсе я с родителями надолго уехал.

3

И вот я опять в этих местах. Хотелось сразу побывать везде, увидеть сразу всё, что когда-то было моим миром.

Остров перестал быть купальней, вырос и превратился скорее в выступ берега с топкой перемычкой. На вышке по-прежнему из земли виднелся краснокирпичный фундамент, разве что больше ушёл в землю и зарос. Посреди него – старое пепелище от огромного костра. Окопы вокруг превратились в сильно заросшие канавы. У того самого дуба появились сухие ветви, и он уже не казался таким огромным и могучим. Под ним, впрочем, стояла новая лавка. Всё вокруг состарилось и как-то съезжилось.

Друзья постарше были в армии, у ровесников свои дела, и посвящать в них меня они не спешили – я стал чужим. Владимир Кузьмич, как мне сказали, в полном здравии и уме, постарел только сильно. Из деревни теперь редко отлучается и чаще по вечерам сидит у околицы.

Где-то через неделю я увидел его. С каким нетерпением я ждал этой встречи! Владимир Кузьмич сидел под дубом один, в том же картузе, новой рубаше, с палочкой в руках. Постарел он действительно сильно. Я поздоровался.

– Володя! – обрадовался он. – Здравствуй.

Раньше он никогда меня не звал по имени. Впрочем, раньше он меня никак не называл.

– Дай-ка я посмотрю на тебя. Вот ты какой стал... Возмужал! Да садись, садись!

Мы разговорились: больше о здоровье, о родных и знакомых.

– А помнишь, Володя, про барина я тебе рассказывал? Вышку?

– Как можно? Всё помню! Всё!

– Ну и хорошо... Холодать уже стало. Пойду я, пожалуй, а ты посиди, посиди, здесь хорошо...

Старик встал и медленно пошёл домой. Я его не видел ещё дня два, а на третий встретились мы у его дома.

– Володя, что же ты не заходишь ко мне? Ты ведь у меня никогда и не был! Заходи!

Через узкое крыльцо мы прошли в избу – довольно просторные тёмные сени, посередине длинный стол, на нём ведра с водой, за ним топчан, на стене полка с инструментами, над ней старинная лучковая пила, сбоку дверь, закрытая на засов. «Должно быть, эта дверь в пристроенный сарай», – мельком отметил я. Другая дверь, обитая войлоком, вела в жилую часть дома. Хозяин с заметным усилием распахнул её, и я оказался в комнате с отгороженной кухонькой, большой русской печью, рядом с которой была совсем маленькая, с конфорками. У окна массивный стол, с одной его стороны обшарпанный резной стул с остатками некогда зеленой кожи, с другой – сундук, покрытый лоскутным одеялом, перед столом большая лавка. На тёсаной, казалось, полированной, стене – ходики, зеркало, численник и фотографии. Под ними кушетка с заправленной постелью. Ещё дверь, запертая на кованый крючок, но, куда вела она, не знаю.

– Это мои родители. А это тётка. Первые фотокарточки в деревне! Эти, правда, уже после войны племянник сделал из прежних попорченных. Те небольшие были. Отец крупные портреты любил! Тут братья и сестра. Царствие им небесное! Ну, это я в партизанах с командиром нашим: благодарность выносит. А тут... тебе неинтересно будет. Да ты садись, садись сюда, на стул. А я по привычке на сундуке посижу. Самовар сейчас будет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.